

РАЗРЕШЕННЫЙ ВЫСОЦКИЙ

В 1988-м по случаю 50-летия Высоцкого «Литературная газета» заказала мне текст. Это был очень лестный заказ, хотя в то время я уже был не безработный, как предыдущие восемь лет, а обозреватель «Московских новостей» — лучшей и самой знаменитой газеты того времени.

Это было в СССР. Никакими «россиянами» еще не пахло. Был КГБ СССР, было Политбюро ЦК КПСС, был «лит» (так тогда называлась цензура; «получить лит» означало получить разрешение на публикацию). Но уже «дул ветер перемен». Из безработных получались обозреватели, а Высоцкий посмертно получил Госпремию. Это было, безусловно, хорошо. Но почему-то малость противно.

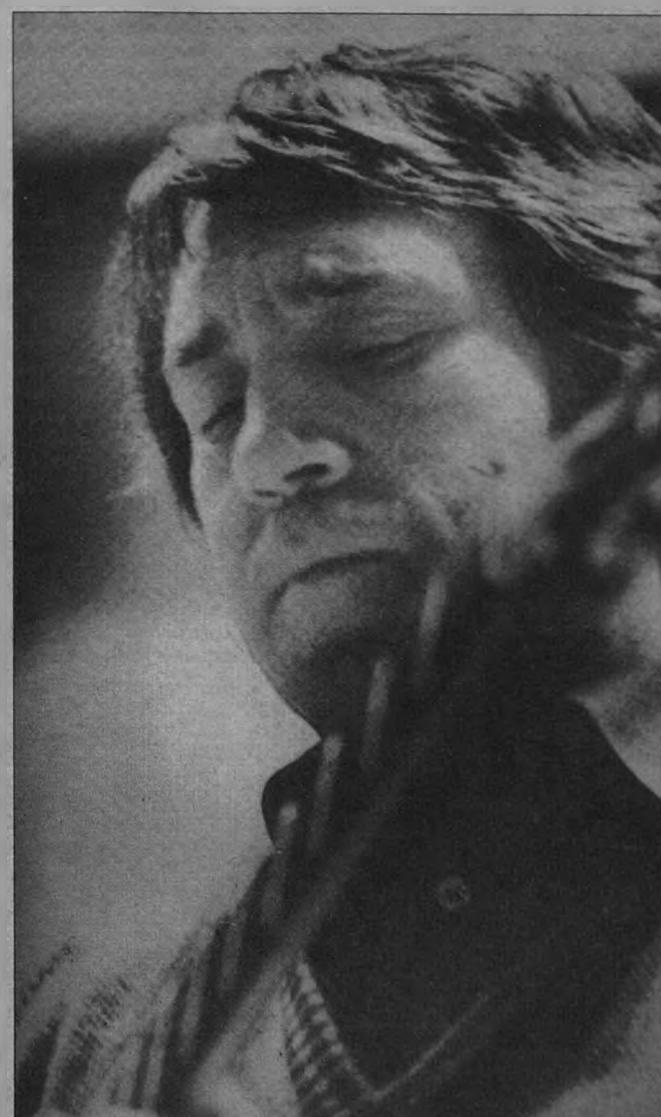
Текст «Литературка» прочла, одобрила и отправила в набор. Вышли гранки, я внес правку, кто запретил пуб-

ликацию — не знаю. Это не могло случиться по чьей-то прихоти. Чтобы статью набрали в типографии, на ней должны были быть визы завотделом и того заместителя главного редактора, который ведет данный номер. И раз статью набрали — значит, одобрение редакционного начальства, безусловно, имелось.

В 1988-м мы чувствовали себя уже на свободе. Глядя из 2000-го, понимаешь, как мало тогда было свободы.

Тогда ее было мало, а радовались мы много. А сейчас ее полно, а радости не видать. Свободу дали всем, но по-настоящему воспользовались ею только бандиты и олигархи. Ни одного поэта не появилось! Ни одного хоть сколько-нибудь равного Высоцкому, Галичу, Окуджаве.

...Перед вами статья двенадцатилетней давности с сегодняшними примечаниями

УРОКИ ОДНОГО ЮБИЛЕЯ

«ТИШИНА НАДО МНОЙ РАСКОЛОЛАСЬ...»

Четыре строчки. Читайте очень медленно. Очень вдумчиво.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу!

Каково было такое читать государю?*

И вообразите положение Жуковского! Как защитить?

С одной стороны — «солнце русской поэзии».

С другой — ни в какие ворота не лезет.

По-нынешнему — непубликально.

И ведь много такого. Много! «Гаврилиада» ждала до XX века. «Бориса Годунова» не ставили до...

А государь поступил, как ангел. Долги заплатил (140 000), и сочинения издал в пользу семьи, и за учебу детей заплатил, и Михайловское выкупил. Итого — сумма в несколько раз больше нашей Госпремии. И все это — сразу после смерти. Буквально на следующий день.

А теперь, читатель, оглянись вокруг себя. Только что прокатился в юбилейных залетах по поводу 50-летия Владимира Высоцкого. Всего семь лет как умер, и — Госпремия, гала-концерты, грампластинки, книги, телесериалы, портреты, скульптуры, сотни статей и — венец официального признания — настенные календари с фотокарточкой напечатали и пароход назвали. Верю — будут и сумки, и майки. Не удержимся.

Особняком — спектакль Таганки.

Первая особенность — не сегодня сделан.

На следующий день после смерти — задумали. В 1981-м поставили. 25 июля, в первую годовщину, несмотря на строжайший запрет — сыграли. Это сейчас славь — не хочу. А я помню блокированную площадь, кольцо из барьеров, сержантов, автобусов, запертый выход из метро. Будто не театр на площади, а четвертый блок.** И каждого, кто туда, надо проверить, и — хорошо бы —

кто оттуда выходил — нес радиацию, для склероза*** смертельную. И склероз это понимал. И шапка на нем горела — десь тысяч кокард.

Теперь спектаклю почти не пропяствовали. Разве что пару строк убрали да с текстом афиши заменили вышла из-за того, что ставил тогда, в 1981-м, Юрий Любимов и сегодня просто неприлично делать вид, будто этого не было.****

Вторая особенность спектакля — он показывает **всего** Высоцкого. Книги и пластиинки дают очень ограниченное количество текстов. Дело даже не в числе. Дело в темах. Спортивные, военные, даже философские — уже печатаются и звучат. А блатных не ищите — нету. И не потому, что не успели записать или не нашли.

А потому, что страшно. Страх этот необыснен. Вся страна знает «Нинку», половина строк вошла в пословицы, а напечатать боятся. Почему? Пошлость, говорят. Непристойность.

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее страшная,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Разве это приличнее строк

Aх, что мне делать с этой
Нинкою!
Она спала со всей Ордынкою.

«Неприличные» стихи Пушкина печатаются многомиллионными тиражами. А ведь «имел» гораздо грубее, чем «спала». Ужели и в поэзии есть уголовный кодекс, а в нем ставь на сроке давности? Только совсем уж непозволительные и матерные слова в стихах Александра Сергеевича заменяются соответственным числом черточек, и школьники с огромным удовольствием решают эти несложные для русскоязычного человека кроссворды, пользуясь подсказкой рифмы, ритма и контекста.

***Брежнев, Политбюро и пр.
****Любимов еще не вернулся из эмиграции, еще не был прощен, с афиши спектаклей Таганки его имя было снято.

Ты помнишь ли,
как всю пригнал Европу
На нас одних ваш

Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы

многих ----

Тоже мис бином Ньютона. Да другой рифмы и нету.

В спектакле Таганки «Нинку» поют. Пост главный режиссер Николай Губенко — и делает это безукоизненно и блестяще: с иронией, с любовью, целимудренно и со смаком.

Ведь это — о настоящем чувстве. Ведь слова «а мне плевать, мне хочется» произносят московский кавалер де Грие, который знает о своей Манон все самое ужасное, но...

Сегодня жизнь моя решается —
Сегодня Нинка соглашается!

Госпремию, выходит, дать легче, чем песенку напечатать... Кстати, скажем здесь о Госпремии, чтобы больше к ней не возвращаться. Сам факт далко не всех обрадовал. В нем явно есть что-то от стыдливой попытки замазать грех. Откупиться, а не покаяться. Тем же отдает нынешний прием Пастернака в СП. Почет ли это для него, пребывающего в местах столь отдаленных от нашей суеты? Сомневаюсь. И если нам захотелось справедливости, то логичнее было бы (по пророчеству другого изгнаника) «поименно вспомнить всех, кто поднял руку». Хоть бы опять-таки покаяться. Нет. Тогда — выгнали, сегодня — приняли. Протоколы подшили, резолюции подкололи. Хоть бы покраснели.

И Высоцкий премирован. Но за что? У премии странная формулировка. За Жеглова. Жеглов — прекрасная роль, но не она главное в наследии Высоцкого! Как, интересно, Маяковскому пришла бы премия за «Нигде кроме как в Моссельпроме»? Уверен: оскорбился принципиально.

Построено все на «Гамлете». Это была лучшая роль Высоцкого. Принц Датский и принц Таганки слились. И вот его нет. А все остались: Гертруда — Демидова, Горацио — Филатова, Офелия — Сайко... Они говорят с ним, и принц отвечает. Его хриплый голос звучит оттуда, откуда никто не возвращался: «Покайтесь в

содеянном и берегитесь вперед». Мелкая дрожь скрываемого страха трясет Короля — Смехова:

Что он на воле —
вечная опасность
Для нас, для вас,
для каждого, для всех!

Пора забыть в колодки

этот ужас,

Гуляющий на воле...

Мотив спектакля теперь несколько иной. Тогда, в 1981 году, — почтить память, показать масштаб потери. Сейчас — сопротивление канонизации, протест против мумификации.

Я люблю вас,
но живого, а не мумио!
Навели крестоматийный глянец!

Это Маяковский о Пушкине. Это Таганка о Высоцком.

Какие параллели судеб!

Маяковский ненавидел бронзы

многопудье, а стоит на площади. И его, введенного, «как картошку при Екатерине» (Пастернак), ненавидят уже несколько поколений, зутивших в обиженном порядке «Я волком бы выгрыз бюрократизм!». Гениальные бюрократы сделали знание этого, их клеймящего, стихотворение непременным условием получения аттестата. И тем укради у людей гениального поэта. Ибо любовь не переносит насилия.

Воруют и Высоцкого. Пришлося уже писать, как ошеломила меня радиостанция «Юность», сообщив:

«Мы передавали песни лауреата Государственной премии СССР Владимира Семеновича Высоцкого и стихи Александра Блока». «Владимир Семенович» — это чудовищно.

Помню панихиду. Сдержанная рыдания, говорили Любимов, Золотухин, Ульянов... Волода, говорили они, Владимир... И только чиновнику — тогдашнему начальнику управления культуры Моссовета, читавшему по бумажке, как «мы ценили его дарование», — только ему хватило ума и текта назвать Высоцкого «Владимиром Семеновичем». Услышав эту фальшиву, услышав эту казенщину, зал то ли зарычал от ненависти, то ли застонал от боли. А теперь — прав

оказался чиновник — перед нами почетнейший «Владимир Семенович». К нему не подступишься. В раззолоченных залах ему цацки вручает. Простым смертным начинает его не

хватать. И в школьные программы введут. Аллартированного. А главное — он все это предсказал:

Я при жизни был рослым
и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез —
Но с тех пор, как считаюсь
покойным,
Охромили меня и согнули,
К пьедесталу прибив ахиллес.

Я хвала косоу саженью —
Нате, смерть!
Я не знал, что подвергнусь
саженью
После смерти...

А потом, по прошествии года —
Как венец моего исправления —
Крепко сбитый литья монумент
При огромном скоплении народа
Открывали под бодрое пение —
Под мое — с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
С крыши ударили
направленный свет.
Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.

Саван сдернули — как я обужен —
Нате, смерть!
Неужели такой я вам нужен
После смерти?

Видите, только в сроке ошибся.
Думал — через год, а мы семь лет
раскачивались. Да еще спасибо, что
раскачались. Но стал ли В. В. ближе?
Стало ли тепле от торжеств?

Поднимает ли поэта пьедестал?
Телережиссеры находят песни Высоцкого скучными. Его, правда, пока не вращают вверх ногами, не делают на десяток Вовочек, не обивают электронно-компьютерным серпантином, не окрывают дымом (или я что-то пропустил?). Но камера суетится. Наплывает, отпливает, и в этом что-то столь чуждое Высоцкому... А когда камера уставилась на В. В. сверху вниз, я обомлел — чужое лицо! Всю жизнь я глядел на него или прямо, или снизу вверх — из парты на сцену. Сверху — был не он. Пошлый наглый Ракурс хотел быть главным в передаче, главное Высоцкого. И получилось...

Наверное, это плохая статья. Не понятно о чем. Но крутон так много прекрасных, понятных статей. Пусть будет одна плохая.

● Александр МИНКИН